БИБЛИОТЕКА

№ 49—50 1949

СТИХИ О ВОЖДЕ

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ПРАВДА»
МОСКВА

СТИХИ О ВОЖДЕ

Издательство «ПРАВДА»
Москва. 1949

Садриддин АЙНИ

ПРИВЕТ

Тебе, краса всех городов земных,
Тебе, мудрец, мудрейший из живых!

Привет от сердца мы вам привезли, —
Москва и Сталин — сердце всей земли!

Услышь мои сердечные слова,
О город победителей, Москва!

Ты правды и свободы колыбель,
Ты разума и мира цитадель.

Хранительница света и огня,
Защитница живых, услышь меня!

Слагают песню у твоих ворот
Певец-таджик и весь его народ.

Он каплей был среди племен и стран,
Но стал рекой, текущей в океан.

Привет в биеньи всех живых сердец
Услышь, великий Сталин, наш отец!

Ты к счастью человечество зовешь,
На радость человечеству живешь.

Ты, ленинского духа вечный свет,
Великий вождь, услышь и мой привет!

Демьян БЕДНЫЙ

ЛЕНИН—СТАЛИН

Ленин—Сталин! В этом зове
Нам священен каждый слог.
В двуедином этом слове
Счастья родины залог.

Путь грядущих поколений
Этим словом освещен.
Всенародный мудрый гений
В этом слове воплощен.

С ним, прославленным всесветно,
Трудовой и боевой
Мы—отважно, беззаветно!—
Совершаем подвиг свой.

Это слово всюду с нами,
Вдохновитель всех побед.
Это слово—наше знамя,
Клятва наша и обет!

Ленин—Сталин! В этом зове
Нам священен каждый слог.
В двуедином этом слове
Счастья родины залог!

Емилиан БУКОВ

СЧАСТЬЕ

Куст зеленый виноградный!
Для любимых для гостей
Бродит вновь в тени отрадной
Пенный сок твоих кистей.

Кверху тянется холмами
Вся молдавская земля,
Чтоб за дальними полями
Увидать лучи Кремля.

Ждет страна, от ясных далей
Не отводит зорких глаз.
...В наши хаты входит Сталин,
Одаряя правдой нас.

Вот вступил в родные сени
Счастья нашего творец.
И к столу зовет в смущенье
Гостя славного отец...

Гость с хозяином заводят
Речь сердечно обо всем,
Чем сильна душа в народе,
Чем мы дышим и живем.

Говорят про урожаи
И про будущие дни,
Будто бы друг друга знают
Лет с полтысячи они!

Будто свежим утром вешним
Выбелен крестьянский двор,

И молочные черешни
Осыпают свой шатер,

Стелют белый путь ковровый,
Чтоб по кипени его
К нам в зеленую Молдову
Вождь пришел на торжество.

Встали хаты над холмами,
Чтоб увидеть наяву
За степями, за лесами
Светозарную Москву.

Смотрят в сказочные дали,
Где цветет зари венец,
Где живет великий Сталин —
Счастья нашего творец...

Лист узорный, огнецветный!
Грозди сладки и хмельны.
Но не ими — счастьем светлым
Мы теперь упоены.

———

Самед ВУРГУН

ПРИВЕТ ВОЖДЮ

От звезд, проплывающих над Баку,
От женщин, не знавших чадры на веку,
От крыл журавлей, что звенят наверху,
И песен, что множат струну на строку,
Где солнце восточных ворот начеку,
Где дни, словно спелые дыни в соку,
Где чувству свободно и языку,
От той, кто со мною — щекой о щеку, —
От медленных лет и от быстрых секунд
Привет тебе, лучшему большевику!

Ты, в явь превративший предвестия строк,
Ты, нового мира приблизивший срок;
Слагает историю каждый твой слог,
Но к детям склонен, матерински не строг,
Ты сердце живою любовью зажег,
В день добрый ты жизни ступил на порог!
И я, часовой твой, хоть я вдалеке,
Я чую, как сосредоточенный здесь —
На этой непоколебимой руке,
Как бьется он, пульс миллионов сердец!
От медленных лет и от быстрых секунд
Привет тебе, лучшему большевику!

В напевах вечерних лепечущих вод
В счастливых словах материнских забот
Есть нового смысла высокий восход;
И горы теряют угрюмый налет,
И — воском — с полей растопляется лед,
И труд набухает из завязи в плод,
И затхлой мечети развеян дурман,

И женщин распрямлен согнувшийся стан,
Им больше не страшен ни джин, ни шайтан,
Ни плеть, ни мулла, ни кулак и ни хан,
От рук загорелых, что нынче в чести,
От памятника двадцати шести,
От медленных лет и от быстрых секунд
Привет тебе, лучшему большевику!

Цветами цветут наши годы и дни,
Ширвану, Мугани и Милю сродни;
В горах и в долинах пунцовая рань,
Пахнет апельсинным цветком Ленкорань,
Нуха расцветила шелками дворы,
Чернеют каймою кубинцев ковры,
Под камнем дорожным сверкает руда,
Роднится с тобою величье труда.
И движутся рядом — щекой о щеку —
С рабочей Москвою рабочий Баку.
Ведь наши и воздух, и жизнь, и земля!
Ворота Востока — в воротах Кремля!

Ведь к солнцу направлен наш караван!
И солнечный луч нам водителем дан.
От тех, кому лица забронзовил свет,
От солнца, от сердца, от силы — привет!
О сталинском имени всюду молва,
Но это не славы обычной слова:
Оно вызывает великую страсть,
И страсти той имя — народная власть!

Николай ГРИБАЧЕВ

КРЕМЛЬ. СТАЛИНУ

Идет за годом год, ровняя строй державный.
Опять стоит ноябрь, и ранний сумрак мглист,
и в бурую траву, свистя осколком ржавым,
перекален в заре, летит осенний лист;

остывшая земля сломала радуг арки,
скатился к югу гром по пожням и стерням,
и молнию в листве — лишь свет электросварки
в намокших вечерах порой напомнит нам.

Но вслушайся, вглядись:
    зарю линуя зыбко,
все помыслы страны, весь жар ее вобрав,
на сотни тысяч верст гудит многоязыко
железным языком осенний телеграф:

«Кремль,
        Сталину — отцу.
                                Свое сдержали слово,
бесстрашные в труде и верой в Вас крепки,
рабочие Москвы...
      рабочие Ростова...
            колхозники с Днепра...
                                с Амура и Оки...»

Над крышами Москвы зажгла салют зарница...
День кончен. Он не спит. Да спит ли он когда?
Живая мысль его ко всем умам струится,
ко всем сердцам идут отсюда провода!

В ответ к нему на стол, шурша, сползает лента,
звучит, как песней песнь, с утра и до темна,—
в ней грохот тракторов,
шум ливней,
пламя лета,
кочевья тучных стад,
слепящий блеск зерна,
бесшумный ход машин и посвист реактивный
откинутых назад, взнесенных к солнцу крыл,
в ней все, что наш народ
в своей судьбе партийной
взрастил и отковал,
расчислил и открыл...

Окончен день труда. А завтра? Снова, снова
звучит все та же речь, бесстрашна и сильна:
«Кремль.
Сталину — отцу.
Свое сдержали слово...»
Кто: Крым, Урал, Алтай?
Считай, что вся страна!

И где бы ни был ты, каким бы ни был труд твой,
в угле, в мазуте ли, в земле твоя рука,
ты с партией шагал,
ты этою минутой
вошел с докладом в Кремль,
а стало быть, в века!

Идет за годом год, ровняя строй державный,
со Спасских в чащи зорь роняя медный звон.
Опять стоит ноябрь... Но, в жизнь влюбленный жадно,
всмотрись в сиянье глаз, в сверкание знамен,

и пусть весь шар земной, вплывая в зиму снова,
услышит рапорт наш в ноябрьский этот день:
«Кремль.
Сталину — отцу.
Страна сдержала слово
и в коммунизм
прошла
еще одну ступень!».

———

ВРЕМЯ

Мгновенье! В глубочайших просторах
И розы раскрытье и жизнь мотылька.
И могут погаснуть в течение вздоха
Те тысячи звезд, что горели века.

Из красного тяжкого золота скован,
Качается маятник жизни часов.
Одно колебанье его золотое
Рождает созвездия новых миров.

Раскрыта судьбы золоченая книга,
Сверкает своей многоцветной красой,
В ней труд, и любовь, и служение людям—
Величье взволнованной силы земной.

Размерно звучанье кремлевских курантов,
Наполнен событьями каждый их звон,—
Родился герой, новый город построен,
Народ от насилья освобожден.

Когда мы взметнули над черным рейхстагом
Багряное знамя победы своей,
Короткая первая вспышка салюта
Воздвигла священное счастье людей...

Великое время! Мгновенья святые!
Цени их, о друг мой, достойной ценой!
Чтоб каждая строчка из жизненной книги
Могла величаться царицей-строкой.

Как в капле воды отражается небо,
Так мира грядущее—в наших зрачках

Победного века огромное солнце
Несем на задымленных битвой руках.

Мы — души живые бесценных мгновений.
Бессмертью мгновение это равно:
Мы дышим на свете со Сталиным вместе,
И мир весь объемлет дыханье одно.

...Будь щедрым, мой кравчий,
о, дай мне, Гафуру,
Глоток многолетнего жизни вина!..
Мгновенье огромно и неповторимо,
Во имя бессмертья пью кубок до дна.

———

Т. ГУТТАРИ

ГОЛОСУЮ ЗА СТАЛИНА

Мне большего счастья не знать вовек —
Я голос ему отдам!
Я судьбы Карелии дорогой
Вверяю его рукам.

Везде — на озерах земли родной,
В дремучей чаще лесной —
Нам имя его, словно луч зари,
Рассеявший мрак ночной.

То — имя Учителя и Вождя,
Чей взор проникает вдаль,
Чей разум — надежда людей труда,
А воля тверда, как сталь.

То — имя того, кем прекрасный путь
В грядущее озарен,
Кто мудрую книгу народу дал,
Кто дал Основной Закон!

Кто с нежностью назван отцом родным
Советской моей страной;
Кто — в вечной заботе о нас — покрыт
Серебряной сединой...

Я знаю: он счастлив, он сердцем рад,
Что край отстоял он мой,
Что спас человечество он, борясь
С коричневою чумой.

Я знаю: Карелия вся пойдет
Со мною на сердца зов:
Сыны многошумных цехов, полей,
Несчетных озер, лесов.

Мы будущее воздвигнем свое,
Сияющий вечный май.
Его золотые лучи зальют
Карелии милый край.

ОТ ВСЕЙ ДУШИ

Погляди-ка на степь мою —
Она шелковистей ковра.
Руками девушек — погляди! —
Украшена гора.
На шумные реки мои погляди —
Нет шире и нет светлей.
И на аулы мои погляди —
Они, как цветы степей.
Послушай раздольную песню мою,
Песню богатырей.

Я взошел на высокий холм,
Домбра со мною всегда.
Я нарочно пришел посидеть, поглядеть
Как пасутся наши стада.
Верблюды — прямо передо мной,
Справа — табун лошадей,
Овцы густо, как трава,
Наполнили степь левей.

Вокруг озер, объев камыш,
Вымя налив молоком,
Коровы одна за другой в аул
Идут степенным шажком.
Вот верблюжата протяжно кричат,
Овцы ведут белоснежных ягнят.

Кто нас богатством таким наградил,
Дал нам коров, лошадей и овец?
Кто нас водою речной освежил,
Кто нас парным молоком напоил
И скатертью степь разостлал, наконец?

Как же случилось, что нищий и раб
Этим богатством хозяйствовать стали?
Кто воплотил удивительный сон?
Спрашиваю себя: кто он?
Милый мой — это ведь Сталин!

Я вдохновился, узнав его,
Домбру настроил свою
И, весь колхоз собрав кругом,
Песню о нем пою.
А если о Сталине я пою,
Сила певца растет;
Жадно слушает, не расходясь
И не шепчась, народ.
Если о Сталине я пою,
Никто не уходит прочь:
Слушают тысячу ночей
И еще одну ночь.
От всей души я о нем пою —
Песням потерян счет,
Сидят и слушают, не дыша:
— Еще, Жаке[1], еще!

---

[1] Жаке — сокращенное, ласкательное имя от Жамбул (Джамбул).

Евг. ДОЛМАТОВСКИЙ

ЛЕГЕНДА О ПЕРВОМ САЛЮТЕ

Ночью звездной, морозной
На машине колхозной
Ехать выпало нам
По болотным настилам,
По калининским милым
Пострадавшим краям.
И шофер засыпает,
И мотор закипает,
Все пути замело.
Не доедем до Ржева!
Наше счастье, что слева
Показалось село.
Сквозь замерзшие окна,
Как льняные волокна,
Электрический свет.
Входят в чистые сени
Наши круглые тени,
Мы за ними вослед.
Книжек полные полки,
И плакаты в светелке,
И раскрытый альбом.
В порыжевшей, потертой
Боевой гимнастерке
Человек за столом.
Коль судить по медалям,
Знал он дальние дали,
Сталинград и Белград.
— Как давно здесь живете,
Чем на новой работе
Правит бывший солдат? —
Возле печки расселись,
Покурили, согрелись,

Подружились за час,
И гвардейский начальник
Хорошовской читальни
Начинает рассказ:

«Наш дом – не простая изба,
И все здесь историей дышит.
Быть может, отчизны судьба
Решалась под этою крышей.
Конечно, когда-то была
Изба никому не известна,
Здесь жизнь потихоньку текла,
И яблони, словно невесты,
Весною стояли в саду,
Пока не срубили их немцы.
Мы лишь в сорок третьем году
Прогнали отсель чужеземцев,
Но многострадальной земли
Не кончились горькие муки.
Стучала бомбежка вдали,
Дымились Великие Луки,
Багровый пылал горизонт,
Гудели вверху самолеты,
И шли мимо дома на фронт
Полки пропыленной пехоты.
Был август. Какого числа?
Четвертого—в точности знаю.
Проселком сюда подошла
Пятнистая «эмка» штабная.
Неспешно взошел на крыльцо
Товарищ походкой упругой,
Которого знает в лицо
Народ как великого друга.
Да, это не сказка, не сон,
Соседи и жители дома
Все видели: это был он,
В фуражке и с трубкой знакомой.
Со всех направлений сюда
По бурому волжскому склону
Пошли провода, провода,
Сходясь к одному телефону.
Был картой накрыт этот стол,
От моря до моря—пределы.

На Белгород и на Орел
Направлены красные стрелы.
Он думал... Он трубку курил...
Был свет этой лампы уютен.
Из Прохоровки звонил
Сюда незабвенный Ватутин,
Еще он не ведал о том,
Что Ставка у самого боя,
Что он говорит не с Кремлем,
А с этой вот русской избою,
Что вождь наш стоит у окна
И слышит, как грохает пушка.
Ему у дороги видна
Сосенка с отбитой макушкой.
Идут по дороге войска.
К великому морю победы
Солдаты текут, как река,
От пыли ресницы их седы.
...Есть свойство у добрых вестей:
Их скрыть от друзей невозможно,
Они пролетят в высоте,
Пройдут по земле осторожно,
И в каждое сердце зайдут,
И верой в победу согреют.
Известье, что нынче он тут,
Дошло до передней траншеи,
И, левым склонившись плечом,
Почувствовав в горле комочек,
Об этом запекшимся ртом
Соседу шепнул пулеметчик.
Услышал и правый сосед,
Сказал он: «Верховный приехал!».
«Приехал!» — катилось, как эхо,
На стыке невзгод и побед.
И Ленин, прищурясь, смотрел,
Взойдя на гвардейское знамя,
Как фронт ликовал и гремел:
«Он здесь! Он приехал! Он с нами!
Сейчас он в траншею прошел!
Нет, он у комбата в землянке!»
...Пехота вступает в Орел,
Врываются в Белгород танки.
А он в это время стоит,

На нашем скрипучем крылечке.
Немецкий разведчик летит,
Развесив ракеты, как свечки,
И длинные трассы за ним
Пускают с земли пулеметы,
И кажется небо цветным
В бегущем огне позолоты.
И думает, может быть, вождь,
Смотря на военное небо:
«Ракет ослепительный дождь
Устроить сегодня в Москве бы,
Салютом сказать боевым,
Орудий торжественным боем
Свою благодарность живым
И славу погибшим героям!»
Приказ вот за этим столом
Он пишет солдатам бывалым,
Он пишет своим генералам,
Что в маршалы выйдут потом.
И первый московский салют
В ночь пятого августа грянул,
Как было написано тут
Тогда, на рассвете багряном.
А днем он уехал в Москву
Иль дальше по фронту куда-то.
...Я в доме недавно живу,
Как знамя, вручен он солдату.
На память о времени том
Колхоз здесь устроил читальню.
И стал я при ней избачом,
Закончив победу на Дальнем.
Дружок! Не заметил ли ты
В калининской нашей сторонке
Кремля дорогие черты
В любой деревенской избенке?»

Мы застыли в молчанье,
И ветров завыванье
Перервалось в трубе.
Средь тепла и уюта,
Словно после салюта,
Стало тихо в избе.
Нет, здесь не было чуда,

Но, должно быть, отсюда
В наступленье пошла
Та легенда-былина,
Что до центра Берлина
Наше войско вела:
«Сам приехал — наш славный,
Наш Верховный и Главный —
Прибыл он из Кремля,
С нами горе, и беды,
И волненье победы
По-солдатски деля».
...Понемногу светало,
И шофер наш усталый
Буркнул: «Двинемся в путь».
Молча вышли наружу,
В синеватую стужу,
В заметенную муть.
Мы по ранней метели,
Как на крыльях, летели
Мимо школ и садов
И отстроенных снова
Пятистенных сосновых
Мирно спящих домов.
Ты возникла из пепла,
Поднялась и окрепла,
Чтоб над миром сиять,
Сколько ты испытала,
Лишь прекрасней стала,
Наша Родина-мать!
Спи в снегах и морозах
И не бойся угрозы,
Твой спокоен рассвет.
Помнит ворог наш лютый,
Как сияют салюты
В честь советских побед!

Вера ИНБЕР

ИЗ ПОЭМЫ «ПУЛКОВСКИЙ МЕРИДИАН»

С первоначальной силой излученья
Там в вечном сохраняются тепле
Сокровища: луч солнечный в Кремле,
На ордене в минуту полученья,
Звук голоса, который из Москвы
Мы слушали на берегах Невы.

В безмолвии мы слушали его.
Сигнал тревоги в середине фразы
Из тишины не вывел никого.
Над городом шел бой. Потом на базы
(Мы поняли) вернулись «ястребки»,
Но наши мысли были далеки.

Речь продолжалась. И такая в ней
Уверенность была, такая сила,
Что эта ночь, которая гасила
Тревогами созвездия огней,
От сталинского голоса редела.
«Мы победим,— сказал он,— наше дело

Есть дело правое». Был напоен
Овациями воздух. Будто стая
Крылатых красных с золотом знамен
Над нами бушевала, пролетая.
Казалось нам, что где-то высоко
Победный пурпур плещет о древко.

И мы, десятки, тысячи людей,
В настороженном мраке Ленинграда,

Мы ощутили вдруг, что мы — громада.
Мы — сила. Что сияние идей,
К которым мы приобщены, бессмертно.
Пусть ночь. Пускай еще не видим черт мы

Лица Победы. Но ее венка
Лучи уже восходят перед нами.
Нас осеняет ленинское знамя,
Нас направляет Сталина рука.
Мы — будущего светлая стезя,
Мы — свет. И угасить его нельзя.

Ав́етик ИСААКЯН

ВЕЛИКОМУ СТАЛИНУ

Ты поднял истории грозный, карающий меч
Над всеми неправдами мира, над скорбной землей.
Пламенным словом своим ты сумел зажечь
В сердцах народов священный огонь боевой.

Восстали моря, и с морями сливались моря,
Ты вел народы, сплотив их в единый народ,
Туда, где сияет свободы и правды заря,
Где новый мир для всеобщего счастья цветет.

Снова бушует кровавый поток войны,
Железные кони со ржаньем взметают прах,
Но пред волей народа все бури смириться должны,
И грядущее мира в надежных твоих руках.

Ненарушимы счастливой страны рубежи,
От победы к победе ты родину нашу ведешь.
Да будет, как солнце, светла и долга твоя жизнь,
Народа великого мудрый, великий вождь!

М. ИСАКОВСКИЙ

СЛОВО К ТОВАРИЩУ СТАЛИНУ

Оно пришло, не ожидая зова,
Пришло само — и не сдержать его...
Позвольте ж мне сказать Вам это слово,
Простое слово сердца моего.

Тот день настал. Исполнилися сроки.
Земля опять покой свой обрела.
Спасибо ж Вам за подвиг Ваш высокий,
За Ваши многотрудные дела.

Спасибо Вам, что в годы испытаний
Вы помогли нам устоять в борьбе.
Мы так Вам верили, товарищ Сталин,
Как, может быть, не верили себе.

Вы были нам оплотом и порукой,
Что от расплаты не уйти врагам.
Позвольте ж мне пожать Вам крепко руку,
Земным поклоном поклониться Вам

За Вашу верность матери-отчизне,
За Вашу мудрость и за Вашу честь,
За чистоту и правду Вашей жизни,
За то, что Вы — такой, какой Вы есть.

Спасибо Вам, что в дни великих бедствий
О всех о нас Вы думали в Кремле,
За то, что Вы повсюду с нами вместе,
За то, что Вы живете на земле.

Дмитрий КЕДРИН

ОГОНЕК

— Нет ли спичечки, послушай? —
Командир спросил стрелка.
Рядовой достал «катюшу»,
Вздул сержанту огонька.
Спичек не дали пехоте
Интенданты в тот денек,
И пошел гулять по роте
Негасимый огонек.
Услужил боец сержанту,
Фитилек свой поднеся.
От сержанта к лейтенанту
Огонек перебрался.
От него добрался скоро
В полковой командный дот —
До товарища майора
Огонек бродячий тот.
А боец пошел в дорогу
С папироскою во рту,
И скосила рядового
Вражья пуля на мосту...
Говорят, товарищ Сталин
В эти дни на фронте был,
Говорят, товарищ Сталин
У майора прикурил.
Рядовой в могиле братской
Спит, поземкою прикрыт,
Огонек его солдатский
В трубке сталинской горит.

Якуб КОЛАС

СТАЛИНСКАЯ КОНСТИТУЦИЯ

Побеждать мы не устали,
Побеждать мы не устанем!
Краю нашему дал Сталин
Мощь в плечах и силу в стане.

Пройден путь великий, трудный,
Мы на солнечном привале,
На собранье многолюдном,
Где сверкает имя — Сталин.

В нашем сердце это имя,
На устах у всех наш Сталин.
Мир его законы примет,
Как людских побед скрижали.

Он наш вождь, он добрый гений.
Распахнуло время дали,
И для новых поколений
Символ счастья — мудрый Сталин.

Аркадий КУЛЕШОВ

ОТЕЦ

Когда война, над миром громыхая,
Придет — весной иль в желтый листопад, —
В военной форме, дочь моя родная,
К тебе приду тогда я в детский сад.

Там бьет родник у яблони зеленой,
На солнце отливая серебром.
Достану я себе воды студеной
Твоим, дочурка,
Крошечным ведром.

Закружится над нами в час разлуки
Моим штыком случайно сбитый лист.
Я ласково возьму тебя на руки,
И ты заснешь
Под тихий птичий свист.

Я, сонную, тебя под яблоней покину,
Пойду на запад в битву на врага,
Чтоб он не жег
Родимую краину,
Чтоб конь его
Нам не топтал луга;

Чтоб не донес своей он злобы черной
До этих сел, до этих светлых дней,
До этих рек, до этих нив просторных,
До сновидений дочери моей.

И мы, пройдя свой путь в борьбе жестокой,
На пиках принесем конец войне.
Но, может быть, в чужом краю далеком
Свой смертный час придется встретить мне.

Оттуда в край родной по быстротечным рекам
Я, дочь моя,
Тебе наказ пошлю:
Ты на земле увидишь Человека,—
Люби его,
Как я тебя люблю.

Он—мой отец. Его семья огромна.
Его дыханьем дышит вся земля.
В дни торжества,
В своей одежде скромной,
Идет он к Мавзолею из Кремля.

Вглядись в черты лица его родного
И ты душой почувствуешь своей,
Что он—отец,
Что пережил он много
И много потерял он сыновей:

Что у него за жизнь любого сына
Болело сердце в час лихой беды.
Не зря легли у глаз его морщины—
Суровых мужественных лет следы.

Он—мой отец.
И если мне придется,
Всю кровь свою я за него отдам.
В борьбе с врагом она не зря прольется:
Спасибо скажут внуки внуков нам.

———

«Стихи о вожде».

О СТАЛИНЕ МУДРОМ Я ПЕСНЮ СЛАГАЮ

О Сталине мудром я песню слагаю,
А песня—от сердца, а песня такая,
Что всюду летит и звенит, не смолкая,
И нету конца ей, и нету ей края...
О Сталине мудром я песню слагаю.

Со Сталиным вольно живется на свете:
Как ясное солнце, он греет и светит,
Пути пролагает к великой победе,
Чтоб радостней было и взрослым и детям...
Со Сталиным вольно живется на свете.

Как песня, живет его имя в народе,—
В просторах полей и на каждом заводе;
В колхозные хаты он гостем приходит,
Он с нами повсюду — в живом хороводе...
Как песня, живет его имя в народе.

Все видят его соколиные очи
И в светлые дни и в ненастные ночи.
Он вытер нам слезы, он счастье упрочил,
Он новую долю бездольным пророчит...
Все видят его соколиные очи.

Он силу дает нам, выводит нас в люди,
Свободные, дышим мы полною грудью,
И кланяться пану вовеки не будем,
И сердце свое никогда не остудим...
Он силу дает нам, выводит нас в люди.

Он пишет законы векам и народам.
Чтоб мир осветился великим восходом,

Чтоб встала над всею землею свобода,
Как солнце под ясным встает небосводом...
Он пишет законы векам и народам.

Живи и красуйся, любимый, вовеки,
Как вечно живут полноводные реки!
С тобой наша сила в могучем разбеге
Ломает преграды, сметает помехи...
Живи и красуйся, любимый, вовеки.

О Сталине мудром я песню слагаю,
А песня — от сердца, а песня такая,
Что всюду летит и звенит, не смолкая,
И нету конца ей, и нету ей края...
О Сталине мудром я песню слагаю.

В. ЛЕБЕДЕВ-КУМАЧ

ЕГО ПОРТРЕТ

Товарищ! Пройдем по земле советской—
Заглянем в квартиры, в завком, в сельсовет,
В школу, в кино, в санаторий детский—
Всюду мы встретим знакомый портрет.

В дальних зимовках, покрытых снегами,
В светлых дворцах академий наук—
Всюду он зримо присутствует с нами,
Вождь и учитель, товарищ и друг.

В доме колхозном с почетного места
Милые сердцу портреты глядят:
Сын-пулеметчик, дочурка-невеста,
А посредине—портрет вождя.

Рамка простая обвита цветами,
Алая лента горит огнем.
Он—среди близких. И вечерами,
Как о родном, говорят о нем.

И кажется, будто в делах и спорах
Он участвует, мудр и прост.
И толк получается в разговорах,
И легче решить любой вопрос.

И так повсюду. В цехах, в забоях,
В Армии Красной, в детском саду
Смотрит он—и дело любое
Лучше идет у него на виду.

Всюду—на полюсе и на Камчатке—
Он согревает работу и жизнь,

Детям кивает со школьной тетрадки:
Назвался отличником — крепче держись!

Глядишь на портрет — и будто он знает
Работу твою и кладет на весы:
Плохо работал — он брови сдвигает,
А хорошо — улыбнется в усы.

И оттого, что он есть на свете,
Хочешь сильней добиваться побед.
Вот почему и отцам и детям
Дорог родной и знакомый портрет.

В Кремле вся страна не вместится разом,
И руки не сможет он всем пожать.
Но любит народ ощупать глазом
Того, кого в сердце привык держать.

Так пусть на мильоны его портретов
Мильоны людей с любовью глядят, —
Достоин любви всенародной этой
Первый и лучший наш депутат.

Он Родину сделал несокрушимой,
Он — Конституции нашей творец,
Великий и близкий, простой и любимый,
Сталин — учитель, друг и отец.

———

Георгий ЛЕОНИДЗЕ

ИЗ ЭПОПЕИ «СТАЛИН»

Тихо в воздухе согретом
Аромат февральский бродит,
И весна с своим приветом
В Картли солнечную входит.

Вдруг забили барабаны,
Эхо улиц вторит шумы,
Слышен звук движений странных,
Звон кандальный и угрюмый.
Звуки странные все ярче,
И затих смущенный мальчик.

Поп идет, креста служитель.
И за ним, шаги врезая,
Сам палач—людей губитель,
Дня смертельного хозяин.

Шли абреки под конвоем,
Мрачно голову склоняя,
Они долго бились двое,
Страх на власти нагоняя.

Оба дети гор грузинских,
Дети старых вдов печальных;
Шел один из них с усмешкой,
Бел другой необычайно.

Этот гордой думой полон,
Шагом он идет крылатым,
Тот, кто заживо распятый
В темном склепе каземата

Барабанов дробь висела,
Прямо в сердце проникала.
Никогда душа Сосело
Страха этого не знала.

Он за ласточкой гонялся
И чесал теленку шею,
И февральский день смеялся,
Словно майский, хорошея.

Так откуда ж гул тоскливый
Барабанный бьется в скалы,
И толпа, что торопливо
Вдруг на берег прибежала!

Смертью черною карая,
Три столба, петля глухая,
И толпа шатнулась к краю,
Казни площадь озирая.

Но иной и за веревку
Может взяться для потехи,
Чтоб потом смеяться: ловко
Как качались те абреки!

Что кипит в груди ребячьей?
Над собою он не властен,—
Гнев мальчишеский, горячий,
Разрывает грудь на части.

Тех уж саваном накрыли
На помосте на дощатом.
— Не губи, о небо, юность!—
О, какой мольба была та!

Грудь прорезал пламень белый,
Обожгло все сердце светом,
Но в толпе окаменелой
Это чувство без ответа.

Петли врезалися в кожу,
Непохож на человека,

Выбил стул палач, и с дрожью
Закачались два абрека.

В смерть поверить этих парней
Сердце мальчика не может.
О таком же, как вот эти,
Сказ в уме старинный ожил:

«Пахарь был, любил он землю
С урожайными полями,
Не прошелся б он по ниве,
Даже устланной коврами.

Его ноги малый колос
Стороною обходили;
Раз его оклеветали,
Прямо к смерти присудили.

Вот уж виселицу ладят,
Сроки смертные настали,
Но когда повис, колосья
Вдруг под ним стеною встали

И приподняли повыше.
Хоть на нем петля темнела,
Но петля его не душит,
Пощадила, пожалела.

И стоял недвижно колос,
Словно столб позолоченный;
И никто того не видел,
Видел только осужденный.

Его сняли и дивились:
Был он жив... Как рассказал он.—
Был прощен и светлой жизни
Прожил дней еще немало...»

Где же вы, стеной явитесь,
Золотистые колосья,
Поддержите этих парней,
В смертном страхе их не бросьте!

И они ведь знали нивы,
Нивы с колосом жемчужным,
И поили всходы пóтом,
Почему ж их вешать нужно!

Где же, где же вы, колосья,
Встаньте в помощь землеробам!
Не видать нигде колосьев,
И в петле трясутся оба.

— Горе матери несчастной! —
Слезы катятся от муки.
— Поделом, — тут буркнул кто-то
В толстой шубе, спрятав руки.

— Я хранить не мог спокойно
Золото, дрожал пред вами,
Тут и виселицы мало,
Надо грудь пронзать штыками.

Но бесстрашный черноблузый
Говорил среди горийцев:
— Месть богатым!..
                        День отмщенья
Молньей в сердце будет биться!

Точно тут сбылось желанье:
Пополам веревка рвется,
Словно вдруг перерубили,
Вот теперь уж он спасется!

— Раз веревка пощадила, —
Загремел народ сурово, —
Дать пощаду! Знать, не время
Хоронить в земле такого...

Вновь палач петлю готовит,
Задыхаясь, ропщет площадь.
Свыше сил...
                        В глазах Сосело
Все темнеет, словно ночью.

— Так не вешают и кошек!
О несчастные абреки!

Если царь велел казнить их,
То позор ему навеки.

И Сосо в раздумьи...
В горе.
И с толпою ребятишек
Он бежит домой поспешно,
Он бежит и тяжко дышит.

Встал он утром, гнева полный, —
Ненавистен царь жестокий —
И к учителю с вопросом
Обратился на уроке:

— В катехизисе мы учим:
Бог есть вечный дух, великий,
Вездесущий, неизменный,
Дух живой, небесноликий.

Учим мы: он безначален,
Беспределен, неизмерен,
Он всезнающ, всеблажен он,
Доброте одной лишь верен...

— Так и есть! А что?
— Но если,
Если все ему известно,
Должен знать он, что на свете
Есть абреки повсеместно...

— Ясно, знает!
— Если ж бог наш
Хочет лишь добра народу,
Как позволил всемогущий
Жить абреческому роду?

— Бог, дитя, великодушен,
Но испытывает строго, —
Человеку отдал мир он
И следит глазами бога,

Чтоб за добрые поступки
Дать за гробом и награду...
— Но ведь бог же—он всемудрый,
Не глупец, зачем же надо

Так пытать ему, все зная,
С сотворенья и доныне?
Он же знает: люди грешны,
Человек греха не минет...

Почему же бог устроить
Жизнь не мог нам без мученья,
Это вот во мне, учитель,
Вызывает изумленье.
Стало быть...
—Ты, Джугашвили,
Ты не спорь со словом вышним.
Что пристал ты? Что случилось?
Избегай вопросов лишних.

Как велит нам катехизис,
Мы тому и учим строго,
Катехизис же начертан
По прямым веленьям бога!

*

На скамью садится мальчик.
Вот забил родник сомненья:
«Стало быть...»
Крылатым словом
В сердце ширилось волненье...

———

Андрей МАЛЫШКО

* * *

Отгудела, отгрохала, отклокотала война,
Смертный бой отгремел, и земля налилась тишиною,
И рокочет ручей, весь пронизанный солнцем до дна,
И опять мне слышны птичьи щебеты над головою.

Вот я в степь выхожу, где забытые спят блиндажи,
Где наш полк пробивался, не зная ни фланга, ни брода.
Малой жизни моей мне виднее теперь рубежи,
Словно дуба вершина, обугленная в непогоду.

Через муки и горе мы шли за Отчизну свою,
Отвоевывать счастье,— оно нам мерцало воочью,—
И великая радость бывала в тяжелом бою—
Знать, что Сталин нас помнит, сражавшихся этою ночью.

Назовет поименно... В полку нашем много имен,
Ты не спрашивай, где погибали на выжженных травах...
Ты о подвиге честном спроси у гвардейских знамен,
У карпатских долин, у мостов на крутых переправах.

А сегодня наш полк города подымает трудом,
И на камне и стали чеканная светится дата,
И земля колосится, проросшая добрым зерном,
И янтарное небо—как щит за плечом у солдата.

Полководец наш! Видишь, какой поднимаем мы сад,
Тешем темный гранит и возводим каркасы стальные?

Вот проходит наш полк в воскресающий вновь
Сталинград,
И на шлемах пылают победные звезды родные.

Будет день, будет век, и мой внук или правнук,
придя,
Список скромных имен на колоннах прочтет и на
плитах,
Так пускай он запомнит: мы встали по зову Вождя,
И огнем его сердца сожгли мы убийц ненасытных,

И любовью его возвратили мы к жизни свой дом!
Полководец родной наш! Ты видишь: знамена
полощут? —
Это вышел наш полк. Это полк наш, тобою ведóм,
Осиянный бессмертьем, вступает на Красную
площадь.

С. МАРШАК

ПАМЯТНАЯ СТРАНИЦА

Хочу я внуку рассказать о том,
Что бережно в душе моей хранится.
Рассказ начну я с памятной страницы.
В Большом дворце Кремлевском был прием.

В те дни, когда летучие ракеты
Нам озаряли сумерки весной,
Когда салют и гром — глашатай лета —
Гремели, чередуясь, над страной;

Когда войска — народ вооруженный, —
По площади широкой проходя,
Бросали с бою взятые знамена
Перед трибуной славного вождя;

Когда шагали по Москве солдаты,
Еще недавно бравшие Берлин, —
И пожилой гвардеец седоватый,
И — рядом с ним — двадцатилетний сын, —

В те дни и твоему случилось деду
Бродить в толпе народной по Москве
И вечером — на первом торжестве —
С творцом победы праздновать победу.

Такой счастливый, долгожданный час
Бывает в нашей жизни только раз,
И если был, — то кажется нам сказкой.

Под звон часов пришли мы к башне Спасской.
Под звон, который знает вся земля,
Вошли в ворота старого Кремля.

Шагая по асфальтовой панели,
Мы огибали белые дома.
Шаги веков — казалось нам — звенели
Здесь, на вершине древнего холма.

Мы думали, прервав свои беседы,
Что за одним из окон здесь живет
Тот, чья рука ведет родной народ
Высокими дорогами победы.

Что здесь в былые дни работал Ленин,
Писал декреты, планы создавал.

Вот и дворец. Широкие ступени —
И входим мы в Георгиевский зал.

Меж белых стен, где памятные доски
Еще хранят преданья старины,
Проходят Василевский, Рокоссовский,
Толбухин, Конев — только что с войны.

Проходят боевые сталинградцы,
Герои Черноморья и Днепра...
Вокруг столов сверкающих садятся
Те, кто в землянках жил еще вчера.

И вдруг опять собравшиеся встали,
Порывом окрыленные одним:
В огромный зал вошел товарищ Сталин,
И Молотов и Ворошилов с ним.

Катясь подобно рокоту морскому,
Рукоплесканья потрясали зал.
Но вот он встал — такой нам всем знакомый, —
Держа в руке наполненный бокал.

Он встал под шум торжественный привета,
Наш полководец мира и войны,
Тот, на кого во всех краях планеты
С надеждою глаза обращены.

И сохранились в памяти навеки
Его неторопливые слова
О рядовом герое торжества —
Простом и незаметном человеке,

И сам он был так бесконечно прост —
Народный вождь, военачальник, зодчий.
И вспомнился его давнишний тост
В Батуме, в тесной комнатке рабочей.

В кругу друзей встречал он Новый год
И, у окна синеющего стоя,
Сказал он: — Всходит солнце молодое.
Настанет день — для нас оно взойдет!

Оно взошло с востока величаво
И не померкнет в небе никогда
Над той страной, где воинская слава
Стоит на страже мира и труда!

Алексей НЕДОГОНОВ

ИЗ ПОЭМЫ «ФЛАГ НАД СЕЛЬСОВЕТОМ»

В тени навеса — стол простой,
в муравке, словно в тине.
Чугун с окрошкою густой
стоит посередине.

И слышен голос в тишине:
— Какой я сон видала!..

И все, что видела во сне,
Смирнова Ксения в звене
девчатам рассказала:

— Погодка славная была,
стоял денек погожий.
И за околицей села
мне встретился прохожий.

Остановился он. И я,
как вкопанная, стала.
Зашлася душенька моя:
я Сталина узнала.

«Товарищ Сталин, — мыслю я, —
по чьей великой воле
в такой одежке с вами я
здесь повстречалась в поле.

Да я бы сбегала домой,
обновку б хоть надела...»

А он глядит, такой родной,
и я гляжу несмело.

Гляжу, подружки, и стою.
А он: «Вы удивились?»
И руку подает свою,
и мы разговорились.

Он с трубкою своей резной,
в костюмчике военном,
таким душевным был со мной,
сердечным, откровенным.

А наше поле за двором,
ну, просто чудо, право:
лежало золотым ковром
налево и направо.

«На славу рожь, хорош овес, —
работали примерно:
хороший, — говорит, — колхоз
у вас в селе, наверно».

Я говорю ему, что наш
колхоз в большом почете.
Он вынимает карандаш
и пишет все в блокноте.

А я, подруженьки, стою.
А он, прервав писанье,
спросил фамилию мою
и по работе званье.

И почему-то стало мне
свежо, как на морозе.
«А как в дубровской стороне
живете вы в колхозе?»

Молчу. Не знаю, что сказать,
С чего ответ ему начать.

«Товарищ Сталин, — говорю, —
заверю вас на месте:
Дубровка наша к Октябрю
придет с подарком чести.
Мы всю страну снабдим зерном...»

«Постойте-ка, Смирнова,
я, — говорит он, — не о том
хочу услышать слово.
Все это правильно. Но вот
скажите: как народ живет?
Скажите за своих людей
иль о себе хотя бы,
но только просто, без статей,
не в мировом масштабе.
Душою не кривите,
открыто говорите».

«Я тайн в себе не берегу —
открыто все сказать могу.
Мы жили до войны в селе
привольно и богато,
а летось вот на всей земле
случилось трудновато.
Чего скрывать: была одна
беда — в сусеке сухо.
Встаешь, бывало, до звена,
захочешь есть — опять она,
проклятая макуха.

Я понимаю, что у нас
на это две причины:
война, товарищ Сталин, — раз,
и два — неурожай как раз,
не знать бы той кручины...

Сейчас совсем другой вопрос:
хлеба в полях на славу.
И я скажу, что наш колхоз
трудами горд по праву.

Ой, сколько, — говорю, — пришлось
дней напролет трудиться,
чтоб всем народом довелось
плодами насладиться!

Скажу, товарищ Сталин, вам,
не ваша б коль забота,
не знали б мы, что делать нам:

без помощи моим рукам
невмоготу работа...»

«Я рад за ваших земляков».
И вдруг остановился.
«А как работает Дубков? —
спросил. — Остепенился?»

Откуда знает вождь Дубка?
Иль просто понаслышке,
иль дед шепнул исподтишка,
иль вычитал из книжки?
«Дубков, товарищ Сталин, — клад,
дела Дубка идут на лад.
Его мы сельским миром
избрали бригадиром.
Сейчас он в стане полевом,
как на участке фронтовом:
его работе рады
дубровские бригады».

«А кто там в поле? Не знаком?»
«Егор Савельич... агроном...»

И мы простились так тепло,
наговорились вволю.

Над головою солнце шло,
а Сталин
шел по полю.

Потом я видела: вдали,
по молодым просторам,
вдоль всех дорог родной земли
шел Сталин в золотой пыли
с Широковым Егором...

Умолкла Ксенья.
Тишина
стояла под навесом.
Сквозь мглу бессонная луна
плыла за перелесом.

Трава играла ветерком,
стучал Капрал копытом,
и пахло сеном, молоком
и хлебом духовитым.

Комбайн гремел недалеко.
И слушали колосья,
как в рожь
тумана молоко
из ковшика лилося.

И был таким святым покой —
родной земли цветенье!

— К чему б, девчата, сон такой?
— А это к счастью, Ксенья.

Саломея НЕРИС

СТАЛИНУ

Он прошел против бури сурово,
Часовым над страною он встал.
И пожарища отсвет багровый
На спокойном лице трепетал.

Враг неистовый — в злобе звериной.
Тьма, как море, буйна, широка...
Но стоит рулевой над пучиной,
На штурвале не дрогнет рука.

И в глаза ему светят созвездья,
И вослед ему солнце встает,
И за ним — полон жаждою мести —
Весь свободолюбивый народ.

Но иссякнут и крови потоки!
Жизнь живую на пепле творя,
Встал гигант-человек на востоке,
Где пылает победы заря.

1942.

М. РАУД

ПЕСНЯ СТАЛИНУ

В работе, и в песне, и в громе сражений
Ты с нами, наш гений,
Наш Сталин, ты нас ободряешь в борьбе.
Становятся мысли твои нашей силой,
Ложатся в сердца, как железо в горнило,—
Наш Сталин, мы песню поем о тебе!

Звучи над вселенной, победная песня.
Что день, то чудесней
Наш труд вдохновенный, наш общий подъем.
Пусть нивы покроются золотом хлеба,
Пусть молоты наши взлетают до неба,—
Мы радость куем, мы о счастье поем!

Мы клятву даем, что в бою оградим мы
Свой берег родимый
От всех, кто завидует светлой судьбе.
Как солнца на небе никто не потушит,
Так нашего счастья никто не нарушит,—
Великий наш Сталин, клянемся тебе!

Максим РЫЛЬСКИЙ

ПЕСНЯ О СТАЛИНЕ

Из-за гор, из-за высоких
Сизокрылый взмыл орел...
Он размахом крыл широких
Все преграды поборол.

Вслед за ним летим к вершинам,
Солнцу в очи заглянуть...
Лётом солнечным, орлиным
Вождь указывает путь.

Пой, земля, цвети цветами
В этот гордый, светлый час!..
Слово Сталина меж нами,
Воля сталинская в нас!

Нам покорны стали воды,
Под ногой легли поля.
Поднимаются заводы,
Обновляется земля.

Все вперед, полком единым
Большевистский строй идет.
Лётом сталинским, орлиным
Мудрый вождь страну ведет.

Лучезарными огнями
Жизнь сверкает нам сейчас...
Слово Сталина меж нами,
Воля сталинская в нас!

В. САЯНОВ

ИЗ ПОЭМЫ «ЛЕНИН В ГОРКАХ»

В поля убегают проселки,
Торопится верный шофер.
Машина мчит Сталина в Горки.
Раскрылся знакомый простор.

Он в кителе белом. Откинув
Рукою две пряди назад,
Глядит на седую равнину,
Где старые липы шумят.

Еще на висках ни сединки.
Спокоен внимательный взгляд.
Навстречу — селенья, тропинки.
Каширские версты летят.

А в Горках все дышит покоем,
Не то, что в столице, в Москве...

Мелькнуло окно голубое,
И Сталин идет по траве.

И солнечным светом увенчан,
Вдруг Ленин встает вдалеке,
В широком расстегнутом френче
И с веткою в правой руке.

И вот распахнулась калитка.
Все тот же он — быстрый, простой...
Пожатье руки... и улыбка...
— Владимир Ильич!.. Дорогой!..

Слезинка в глазах его зорких...
Он за руки взял... говорит:
— Я счастлив, что снова бы
в Горках...
Прищурясь, на друга глядит.

Он рад этой праздничной встрече
В сиянье июльского дня.
— Как будто бы стало полегче,
И рана не мучит меня.

Родные, заветные дали...

Веками прославленный труд...

Задумавшись, Ленин и Сталин
По тихому саду идут.

* * *

Бежит перелеском дорога
В просторы родных деревень.
И Ленин торопится: много
Он должен узнать в этот день.

— Что нового нынче на свете?
А дни-то теперь горячи,
И я все грущу по газете:
Читать запрещают врачи.
И если на столике где-то
Увижу случайно листки,
Я стол обхожу: вдруг газета?..
Советы врачей нелегки,
Но я не решаюсь, не скрою,
Нарушить врачебный режим...

И Сталин смеется: — Порою
Мы все подчиняемся им.
И я дисциплину такую
Готов вознести высоко...

Прославим же землю родную...
Как дышится нынче легко!..

Становится небо светлее
В такой замечательный час.

Прохладно в тенистой аллее...

О времени ясный рассказ
Вновь слушает Ленин.
                    Спокоен
И строг его взгляд, но порой
Он громко смеется, как воин,
До срока вернувшийся в строй,
В любимый свой полк.

— Что с Китаем?
Кто выбран в Московский Совет?
А как же дела с урожаем?
В Поволжье-то засухи нет?

— Нет, с хлебом дела неплохие,
С большим урожаем придем...

— Всего он нужнее России,
Поможет достроить наш дом.
А что Лига наций? С обманом
Ведет свой дешевенький торг?
Что делают за океаном?
Чем нынче грозит Нью-Йорк?
Попрежнему Мартов судачит,
Грозя нам печальным концом,
Как кот возле каши горячей,
Взъерошившись, ходит кругом?

Он голову поднял, шагая,
Как будто проходит Москвой,
И, предсовнаркома встречая,
Застыл на посту часовой,

Стоящий с винтовкою новой,
В обмотках, в ботинках больших,
Молоденький парень безбровый
Взволнованно смотрит на них.

— Скорее вернуться бы в город,
Услышать на улицах гул...
И френча расстегнутый ворот
Он быстро опять застегнул.

А галки летят с колоколен,
Порывистый ветер гудит...
— Теперь я не так уже болен,
И сердце поменьше шалит.

Смешные врачи-доброхоты
Никак не умеют понять,
Что я устаю без работы,—
За делом поправлюсь опять.

* * *

Скамейка в саду, и деревья
Под медленным ветром шумят.

Вдали, за пригорком, деревня,
Протяжная песня ребят.

Скворешня на липе кудрявой...
Как радостно дышит земля!
Веков величавая слава,
Родная твердыня Кремля
Ее охраняет...
И Ленин,
Смеясь, его руку берет:
— Мы встретимся утром осенним,
Как прежде, у Спасских ворот.

Теперь уж немного осталось,
И снова он ринется в путь,
И видно: проходит усталость.
Лишь веки набрякли чуть-чуть.

В сиреневом дыме ступени,
Окно, и подъезд, и труба...

Зари догорающей тени
На складках могучего лба...

Он машет рукой... до свиданья...
Машина летит по песку,
Глотает она расстоянье...
Выводит шоссе на Москву...

* * *

И мчится машина сквозь ветер.
Светла подмосковная ширь,
Что может быть выше на свете,
Чем дружба большая, как мир!

Он думает снова о встрече...
Мелькают проселки, поля...
Окраина... Замоскворечье...
Высокие стены Кремля.

И зори над башнею Спасской
Плывут, как над всею Москвой,
Дивя небывалой раскраской,
Безмерной своей красотой.

И Сталин, задумавшись, входит
Под сумерки в свой кабинет,
Он комнату взглядом обводит:
Там Ленина новый портрет.

Огонь до зари не погаснет...
Он папки и книги берет...
И снова за труд ежечасный
На долгие годы вперед.

Деревья плывут из тумана...
Он курит и смотрит в окно...
Светает уже—и нежданно
Становится синим окно.

И солнце встает на просторе...
Ну, что ж, просыпайся, Земля,
От берега дальнего моря
До каменных башен Кремля!

Опять знаменитое время
К свершениям новым зовет.
...Все будет прославлено теми,
Кто следом за нами придет.

———

Константин СИМОНОВ

ДРУЖБА

Солдат устал. Десятый день не спали,
Десятый день шли тяжкие бои,
Когда солдат услышал на привале:
«Друзья мои!»

Страшнее клятвы и сильней приказа
Звучали те слова, что он сказал,
Хоть не видал солдат его ни разу,
Лишь сердцем знал.

А был уверен в этом человеке
Сильнее, чем в соседях и родных.
Судьба свела и сделала навеки
Друзьями их.

И шел солдат в боях до Сталинграда
И, насмерть став, готовый к смерти сам,
Во имя дружбы не давал пощады
Своим врагам.

Во имя дружбы, не во имя славы
Шел снова, раны залечив свои,
Во имя слов простых и величавых:
«Друзья мои!»

Сто раз солдат был ранен и контужен,
Тонул, горел, так и не мог сгореть.
С тем человеком был он слишком дружен,
Чтоб умереть.

Когда на танк в три человечьих роста
Он, как на зверя, шел, чтоб порешить,

Не потому, что был герой, а просто
Умел дружить.

Когда в трудах солдатских нес он службу,
По десять суток мерз, не ел, не спал,
Богатырем он не был. Просто дружбу
Так понимал.

Повсюду, где б он ни был, как вначале,
У волжской, у дунайской ли струи,
Ему слова бессмертные звучали:
«Друзья мои!»

В своем окопе, заметенном снегом,
В воде по горло, в грохоте гранат
Был дружбою с великим человеком
Велик солдат.

Зато и в самый трудный день когда-то
Тот, с кем навеки подружился он,
В своих решеньях дружбою солдата
Был укреплен.

ИЗ «ДУМЫ О РОДИНЕ И ВОЖДЕ»

Ты видишь сам: так жизнь течет —
За днями дни, за годом год.
Где караван былых невзгод,
Что путь твой обступал, товарищ?

Где боль кровоточащих ран,
Где старый дом твой, Сулейман?
Кто счастья нового мержан [1]
Так щедро дал тебе, товарищ?

Припомни снова жизнь свою,
Свой тесный двор, свою семью,
Тот край, где ты бывал на дню
Обманут сорок раз, товарищ.

Ты обо всем припомни вновь!
Пусть гневом закипает кровь,
Пусть злоба снова хмурит бровь —
Былому не прощай, товарищ.

Ты много видел, мой собрат!
Всю жизнь искал ты счастья клад, —
Твоих обид, твоих заплат,
Бывало, не сочтешь, товарищ.

Скажи, скажи, как был в петле,
Как клад добыл ты на земле,
Как самый дальний дом в селе
Стал ныне ближе всех, товарищ?

Кто этот клад найти помог,
Кто вражьи силы превозмог,

[1] Мержан — янтарь.

Твой бедный глиняный порог
Коврами кто устлал, товарищ?

Кто свет зажег в сердцах людских,
Кто окрылил отвагой их,
Кто вдохновляет каждый стих
Певцов моей страны, товарищ?

Кто вывел нас из тьмы кольца,
Кто заменил нам всем отца,
Чья мысль с начала до конца
Есть ленинская мысль, товарищ?

Чье слово—ленинский завет,
Чей путь—великий путь побед,
Кто за цветенье этих лет
Боролся с юных лет, товарищ?

О нем—все думы всех времен,
Он мир от зла спасти рожден,
Тысячелетний страшный сон
Развеять он рожден, товарищ.

Народы к жизни пробудить,
Меж ними дружбу утвердить,
Трудом счастливым наградить
Трудящихся—рожден, товарищ.

Он в каждой радости моей,
В любви и счастье матерей,
В учебе и в игре детей
Твоих, моих детей, товарищ!..

Его величьем мир велик,
Он мудрость всех веков постиг:
В мой лучший час, в мой светлый миг
О нем мой стих поет, товарищ.

Шуршит листвой, как дождь весной,
Качает ветви над рекой,
В глазах моих дрожит слезой
И в круг друзей зовет, товарищ.

И птицей просится в полет,
И миндалем вдруг зацветет
Простой мой стих, когда поет
Ашуг о Сталине, товарищ.

Я. СУДРАБКАЛН

СИНИЦА ЛАТВИИ НА БАШНЕ КРЕМЛЯ

Провозвестница, певунья,
С хохолком на лбу синица —
Новостей глашатай легкий,
Латыша приятель давний —
Век от века щебетала
На вершинах лип латгальских.

Сердце громко застучало,
Лишь донесся зов синицы
Здесь, вдали от мест родимых.
Слышу, вижу: верно, верно!
Наша милая синица
На зубце кремлевской башни
Крылья правит в путь далекий,
Тон берет для громкой песни.

Вот что Латвии синица
Пела мне с кремлевской башни:
«Братьям ближним, братьям дальним!
Эта весть родной синицы
Из Москвы к вам долетает!
Я друзей нашла надежных,
Кто спасет нас в лихолетье.
Здесь о горестях латышских
Мыслит муж-руководитель,
Кто всех слабых опекает,
Кто заметит самых малых,
Кто все скорби зорко видит,
Кто все стоны чутко слышит.

Он с латышскими мужами
Мысль ведет тропой военной,

Полон братского доверья.
Славой смелых восхищенный,
Он бесстрашных превозносит,
Потому что, чужд боязни,
Не знаком с сомненьем робким.
Чествует стрелков латышских, —
Грудь их звезды украшают.
Любит наш великий Сталин
Смелых, целеустремленных,
Стойких в битве за свободу,
Вас, латышские гвардейцы,
Светлой Даугавы сыны!
Слушайте салют гвардейский,
Латвию любить учитесь!»

Живо, живо к нам, синица,
С доброю кремлевской вестью!
Латыши Отчизну любят,
И протягивают руки
Латышу латыш, брат брату.
В путь, синица золотая,
Пой нам звонче песню к битве!

1942.

Алексей СУРКОВ

ВОЖДЮ НАРОДОВ

Над морем, над степями ветровыми,
Над ледниковой горной крутизной
Звучит, товарищ Сталин, Ваше имя
В просторах необъятности земной.

Любовь и нежность матери-отчизны
Сегодня Вам несут ее сыны.
Ведь семь десятилетий Вашей жизни
Столетиям в истории равны.

Ваш подвиг благородный, величавый
Не выразить ни песне, ни словам.
Ведь всем своим величием и славой
Народ обязан Ленину и Вам.

Бессмертного заветы год от года
Вы воплощали в славные дела.
И в слове коммунизм любовь народа
Два ваших светлых имени слила.

Всех, кто чернить святую цель посмели,
Гнев миллионов смел с лица земли.
Вы чистоту и ясность нашей цели
От происков врагов оберегли.

Их побеждал Ваш светоносный гений,
Как солнце побеждает силы тьмы.
В рабочих буднях и в огне сражений,
На Вас равняясь, научились мы

По-сталински смотреть на мир широко,
Событий предугадывая ход;

По-сталински, без страха и упрека,
Служить народу, верить в свой народ.

Мы прожитые годы не забудем.
Их светлый след в сердцах неизгладим
За то, чтоб жили Вы на радость людям,
Мы кровь свою по капле отдадим.

Мы возмужали, счастье созидая.
И жизнь в труде полна и хороша.
Нам светит Ваша вечно молодая,
Над временем летящая душа.

Настанет, в песнях солнечных воспетый,
Обетованный, долгожданный час,
Когда, исполнив Ленина заветы,
В мир коммунизма Вы введете нас.

Союз сердец объединит народы.
Дороги горя порастут быльем.
Свои незабываемые годы
Мы *сталинской эпохою* зовем.

Максим ТАНК

НОВОСЕЛЬЕ

Еще крылечко спозаранку
Кончали плотники, а в дом,
Покинув навсегда землянку,
Вносили скамьи со столом.

На стол — пшеничную буханку...
Вот пробуют под взмах смычков,
Как новый сруб звучать готов
От дружных тостов, пляски, пенья;
С какою тягой дымоход...
Лепешки мать гостям печет
На стрыжнях — смоляных поленьях...

Ну что ж, на славу вышел сруб,
И он отлично сдал экзамен,
Хоть голосила в сотню труб
Над черепичной крышей замять,
Хотя старался в хату влезть
Мороз-бедняга через щели.
Дом так проконопачен весь —
Венцы как бы срастись успели.

И вот покинула артель
Стол новоселья небогатый;
Солдатка-мать детей в постель
Спать уложила в новой хате.

Приснился детям дивный сон,
Как будто их отец, в шинели

Вошел к ним кто-то, рядом он
Сел на скамейке у постели,
Тепло спросил про новый дом,
О жизни, школе и желаньях.
Когда он ласково потом
Им подал руку на прощанье,
Узнали дети, кто здесь был,
Тот образ дорогой узнали,
Который батька на медали
У сердца своего носил.

А. ТВАРДОВСКИЙ

БАЛЛАДА О МОСКВЕ

В основу этого сказания о победе под Москвой положена легенда, записанная от крестьян деревни Чернава, Курской области.

А может быть, не в деревушке,
Где взад-вперед прошла война, —
В пути, в какой-нибудь теплушке,
Как песня, родилась она.

А может быть, в лесу, в землянке,
У камелька из трех камней,
Развесив заполночь портянки,
Бойцы прислушивались к ней.

А может быть, проделав ныне
Тысячеверстный путь молвы,
Она сюда, в края степные,
Пришла из-под самой Москвы...

А может быть, каким-то чудом
Сквозь фронт, по снежной целине
Пришла, как весточка, оттуда,
Где ждут и видят нас во сне.

Не уследить: легка, что ветер,
И не с газетного листа
Пошла и стала жить на свете —
Из уст в уста, из уст в уста.

Идет, как эхо, перекатом,
По селам, из жилья в жилье.
От деда, старого солдата,
Я записал на днях ее...

То был такой великий бой,
Что нет к нему присловья.
Стоял противник под Москвой,
Горело Подмосковье.
Он — вот он, враг. За ним давно
Калуга, Клин, Бородино
И волжское верховье.

А шел он в битву не один,
Валил несметной лавой.
Тут был венгерец, финн, румын
И прочие державы.
Его мороз наш торопил,
Уже в ладоши немец бил
У городской заставы.

Уже вблизи его войска
Гремят броней стальною,
Уже видна ему Москва
С Кремлевскою стеною,
И воют бомбы не впервой
Над славным городом Москвой
И над Москвой-рекою.

Уже слова «моя Москва»
По-русски враг заучивал.
Нет, ты возьми ее сперва,
Потом усы покручивай.
Доныне с гордой головой
Москва над той рекой-Москвой
Стоит, гудит, могучая!

Вот наши — греть его огнем
Со всех своих позиций,
За каждым камнем, каждым пнем,
Покуда дышишь, биться.
И смерть встречать лицом к лицу,
Как долг и честь велят бойцу,
И не сдавать столицы.

Да, то была сама Москва,
Круты ее пороги.

И вражьи танки, как дрова,
Пылали на дороге.
Но немец брал за пядью пядь,
И вот уж дальше отступать
Нельзя. И нет подмоги.

Все ближе, ближе рвется враг,
Все злей, — и наши просят:
— Товарищ Сталин, так и так,
Нельзя ли сил подбросить?
Еще стоим — боец в бойца —
Но без подмоги до конца
Не устоим: покосит...

И Сталин тотчас шлет ответ
По фронту телеграммой:
— Покамест что подмоги нет, —
И говорит им прямо:
— Москва надеется на вас,
Стоять, ребята, — мой приказ,
Хотя б до смерти самой...

— Стоять? Стоять! Про все забудь, —
Сказали наши витязи.
Стоят, встречают грудь на грудь
Немецкие дивизии...
А немец прет, мороз дерет,
Ему б к зиме кончать поход,
Подзапастись провизией.

Ему б дорваться до тепла,
Передохнуть с неделю,
Отмыться в бане добела
Да вошь унять на теле,
Попить, поесть, пограбить всласть, —
Свою в Москве поставить власть, —
А то ж! И в самом деле!

А бой идет. Мильоном ног
Натоптан снег кровавый.
И битым немцем вдоль дорог
Завалены канавы,

А сила вражья велика,
Он гонит новые войска, —
Не меркнет наша слава.

Но слава эта дорога.
Горячей нашей кровью
Обильно политы снега
И земли Подмосковья.
У стен Москвы по суткам в ряд
Ее защитники лежат
С гранатой в изголовье.

И вот до них доходит весть,
Вождя родное слово:
— Подмога есть, полков не счесть,
И к бою все готовы,
Но не настал их день и час.
— Держать, ребята, — был приказ,
И был приказ суровый.

И было в тысячах сердец:
«Держать ценой любою».
И трижды раненный боец
Не покидает боя.
И под огнем другой ползет,
Чтоб грудью вражий пулемет
Закрыть самим собою.

Гудит под танками земля,
Горят зарницы вспышек...
Но свой приказ в стенах Кремля
Уже победа пишет.
Там Сталин заполночь не спит,
И как перо его скрипит,
Того никто не слышит.

На Спасской башне время бьет,
Столица в снежной пене.
Метель вчерашняя метет,
Но ветер — к перемене.
Метет над городом метель.
Вот Сталин встал, надел шинель
И тихо вышел в сени.

Проходит Сталин вдоль стены
Дорожкою особой,
Где елочки занесены
    Стоят рядком в сугробах,
И, снег стряхнув, проходит вниз,
И там три лампочки зажглись
    У ленинского гроба.

И с непокрытой головой
Он сходит по ступеням...
Метель редеет над Москвой,
    И город в ровных тенях
Лежит в ночи, как бы пустой...
Мороз крепчает молодой,
    Крепчает — к перемене.

Звезда кремлевская горит,
И в небе звезды в сборе,
Полмира спит, а фронт гремит
    От моря и до моря...
А сколько крови, сколько слез
Один тот немец в мир принес,
    А сколько мук и горя!..

У Мавзолея часовой
Пост уступает смене,
И с непокрытой головой
    Обратно по ступеням
Поднялся Сталин. Над Москвой
Рассвет забрезжил боевой
    К великой перемене.

Настал тот день, настал тот час,
Отрадный, небывалый,
Как отдал Сталин свой приказ
    Бойцам и генералам.
И на позиции врага
В атаку двинулись войска,
    И было их немало...

И видит враг: Москва идет
Всем фронтом в наступление:

«Вперед за Родину! Вперед
За Сталина, за Ленина!»
А сам-то враг давно не тот:
И пушек тех не прежний счет,
И танков умаление.

И услыхал весь мир слова
Великие, простые:
— Врага отбросила Москва,
И спасена Россия!
А враг ее и всех людей —
Ни перед кем, а перед ней
Подался вспять впервые.

Забыл, как звать «Моя Москва»,
Забыл, как петь «Москва моя».
Нет, ты возьми ее сперва,
Москву-то! Вещь упрямая.
С непобедимой головой
Москва над той рекой-Москвой
Стоит, гудит. Та самая!

Николай ТИХОНОВ

ДОМИК В ГОРИ

Не раз уже видел его я,
По-новому в каждый приход
В своем величавом покое
Тот маленький домик встает.
 В нем нет никакой перемены,
 Но с новым волненьем опять
 Смотрю на суровые стены,
 Чтоб заново жизнь осязать.
Вновь пить из такого ж кувшина
Железную воду Куры,
Грядущего видеть вершину
В сиянье далекой горы.
 Смотри: по ступенькам хрустящим,
 С загаром обветренных щек,
 Сбегает восторженный мальчик,
 Неведомый миру еще.
И всеми глубин голосами
Ему отвечает земля,
Восходят огни над лесами,
Как близкие звезды Кремля.
 Как будто здесь сердце вверяешь
 Рукам дорогим и родным,
 Себя до конца проверяешь
 Пред домиком этим простым.
По кругу дорог быстротечных
Вернувшись на этот порог,
Услышишь, как плещется вечность,
Как звездное море у ног.

М. ТУРСУН-ЗАДЕ

ИЗ ПИСЬМА ТОВАРИЩУ СТАЛИНУ ОТ ИМЕНИ СТРОИТЕЛЕЙ НОВО-ПАМИРСКОЙ ДОРОГИ

Сталин! Славятся твои дела,
Справедливости твоей хвала!
Наше слово мы сказать хотим:
Справедливости твоей хвала!

Путь широкий проложили мы,
Крепкие мосты сложили мы:
Собственным трудом, а не чужим
Уваженье заслужили мы!

Не валялись на паласе мы!
Просим в Гарме и в Дарвазе мы:
Пусть работают на свете все,
Как работали на трассе мы!

Мы детей своих учить хотим,
Книги жизни получить хотим,
Час величия людей придет!
Детям землю поручить хотим!

Пусть учиться помогают им,
Пусть наука привыкает к ним!
Все, что ты о жизни говоришь,
Пусть подробно излагают им!

В самых дальних местностях давно
Людям хочется иметь кино,
Счастье видеть Ленина живым
Много раз пусть будет им дано!

Мудрые труды понять хотим!
Свежие сады поднять хотим!
Звезды электричества создать,
Силу у воды отнять хотим!

Время богатырствовать пришло!
Темное становится светло.

*

Сталин, величайший из людей,
Помыслами нашими владей!
Слава от строителей дорог
Другу — Пролагателю путей!

———

Д. ХАЛДУРДЫ

НАРЕЧЕНИЕ ПЕСНИ

Приди, моя песня, я дам тебе имя,
Я крылья тебе соколиные дам,
Чтоб ты над горами, степями родными
Летела навстречу грядущим годам.

Я дам тебе имя, с которым впервые
В колхозных садах расцветали цветы,
С ним счастье познали просторы родные,
Оно наша гордость, и жизнь, и мечты!

Как знамя, оно осеняет отчизну
Могучей, живительной сенью своей,
За ним мы идем и придем к коммунизму,
Дорогой побед устремляя коней.

Любимого Сталина имя родное —
Любви, вдохновенья и счастья исток.
Как солнце, сияет оно над землею,
И тянется к свету весенний росток.

И ты, моя песня, кипя вдохновеньем,
О нашем, о сталинском времени пой!
Грядущим поведав о нем поколеньям,
Твой голос для них прозвучит, как живой.

Т. УМЕТАЛИЕВ

ВЕЛИКАЯ КНИГА

Сталиным книга написана эта.
В ней всенародного счастья заветы.
Солнцу подобная, радостным светом
Страну озарила чудесная книга.

Первую я раскрываю страницу,
Вижу: заводами край мой дымится,
Тучны в колхозах и скот и пшеница.
«В труде—изобилье»,—сказала книга.

Я раскрываю страницу вторую:
Школы повсюду... «Входи в любую,—
Знанием тьму победишь вековую,
Ты будешь батыром»,— сказала книга.

Третью страницу открыл, изумленный:
Мир предо мною вечнозеленый.
«Недугом ты иль трудом истомленный,—
Здесь отдых по праву», — сказала книга.

В братстве и дружбе, как однополчане,
Русский, киргиз, и грузин, и татарин.
«Кто бы ты ни был,— ты вольный хозяин
Земли своей навек»,— сказала книга.

Ленин стоит—исполин над горами,
Вешними день полыхает цветами,
Песнь соловья не смолкает ночами, —
В сад счастья вожатым мне эта книга.

Преодолел и лишенья и муку,
Родине жизнь моя крепкой порукой:

Враг лишь протянет к ней жадную руку, —
Врага обличит заветная книга.

Хищник врасплох не застигнет дозора, —
В прах затопчу его насмерть с позором,
Недруг узнает: кто сокол, кто ворон.
Как душу, я берегу эту книгу.

В темь, в бездорожье, в походах далеких
Шел сквозь огонь я и через потоки,
Бился с врагами в сраженьях жестоких, —
Я в сердце своем храню эту книгу.

Недругу приговор будет смертелен,
Бури бушуют, но светоч нетленен,
Неугасим он, маяк поколений,
Врагу недоступна твердыня-книга.

РОДНЯ

В комнату просторную ткачихи
Льется зимний вечер — белый, тихий.

На стене часы. Библиотека
Небольшая. Чистота. Уют.

От стремительного века
Ходики не отстают:

Старая ткачиха много лет
Во-время по ним встает чуть свет.

А она — в труде ревнитель строгий —
Обгоняет пятилетки сроки.

В комнате живет она
И одна и не одна:
В фотографиях стена.

Вот с рабочей кепкою в руке,
В праздничном суконном пиджаке
Муж — давно покойный — с нею рядом,
С нею — молодой, нарядной.

Вот—внучонок, снявшийся в Артеке,
Вот — весь в лентах пулеметных брат
На ступеньках Смольного. Навеки
Светел и правдив солдатский взгляд.

Вот — по белой форменке матросской
Лег на плечи синий воротник —

Белые по синему полоски
Легкой пене на волнах сродни.

Это — сын
(Ему двадцатый год).
Бескозырка — набок, грудь — вперед.

Слева — с мужем-инженером дочка,
И опять она — среди подруг.
Вот — племянник-слесарь. Хоть не очень
Он велик еще, но в пальцы рук
Въелись темные пылинки стали.

Много карточек...
И среди них одна,
Где закуривает трубку Сталин.
В скромной рамке под стеклом она.

Поднесенный к трубке по привычке
Жаркий огонек на тонкой спичке —
Нашего спокойствия порукой —
Вспыхнул, словно белый лепесток,—
И его над этой мирной трубкой
Видит Запад и Восток.

Всем известно —
Никакой на свете
Потушить его не сможет ветер.

В этот зимний вечер, белый, тихий,
Управдом наведался к ткачихе.

Поглядел, рукой багет потрогал:
— Эту карточку — повыше бы немного,
Катерина Тихоновна, надо,
Или пусть отдельно на столе стоит... —
На него она блеснула взглядом:
— Тут, милок, все — близкие мои...

Дым над сталинскою трубкой тает.
За окном — вечерние огни.
Год считай — никто не сосчитает
На земле у Сталина родни.

СЛОВО ОХОТНИКА

Избушка охотничья той сродни,
Что где-то на курьих ножках стоит.
В избушке костер смолевой горит.
В тайге хлопотливые, страдные дни.
Под вечер вспыхнут в небе огни —
И все принимает сказочный вид.

С густой темнотой сливается бор,
В лощинах разносится вой зверей,
Старик-лесовик тормошит костер.
Лежит на его коленях бобер,
Старик устал, а не хмурит бровей.

На лбу его гладкого места нет,
Как сетка на глобусе, сеть морщин.
Уже бороде его семьдесят лет,
Уже сыновья зовут его: дед! —
А все не горбат он, даже не сед,
Все видит летягу в хвое вершин.

Немало он взял на веку берлог,
Дорог проложил, загонял лисиц,
Немало из лесу волков приволок;
Он богом входит в медвежий лог,
Коряжист, угласт и широколиц.

Портянки висят на еловом суку,
У беличьих шкурок собака спит.
Старик сидит лицом к огоньку.
Он, как полагается лесовику,
Довольный удачей, с собой говорит:

«Добер бобер!
Хоронился — смех!..
Кого ж ты, милóй, хотел провести?
А, знать, родовит... До чего блестит!
Заиндевел будто.
И что за мех!
Его дорогому другу не грех
Ко дню рождения поднести.
Добер!
Поднести? Кому поднести?..

Меж нами есть большой человек,—
С такими любая ноша легка.
Один у нас под ногами снег,
Одну пьем воду из светлых рек,
И жизни наши отныне вовек
В надежных и верных его руках...»

Костер запылал, перестал дымить.
От жара старик мотнул головой,
Цыгарку свернул и начал курить.
Охотник умеет серьезным быть,
Он миру всему хотел говорить:
Не может мир не услышать его.

«Просторный, как ясное озеро, зал
Давно уже стал народу родным.
Кто Сталину руку пожать не мечтал?
Из нас один у него побывал,
А кажется, все мы бывали с ним.

Там воздух и ширь для орлиных крыл,
Там своды не ниже полярных скал.
И там он с охотником здравицу пил,
Он с нашим товарищем так говорил,
Как будто и сам охотником был,—
Всю подноготную нашу знал.

«Хватает ли пороху? Ладно ли бьют
Советские ружья? Слабы? Сильны?
Какие калибры больше нужны?
Меха — это золото: пуд на пуд,

Меха нужны. Золотой ваш труд.
Меха,— говорил он,— броня для страны».

И с той поры родная тайга,
Холодные звезды над чадной избой,
Ночевки в суземах, костры в логах—
Все стало цениться втридорога:
Промокнешь насквозь—весь день на ногах,
Но знаешь, что он следит за тобой».

Старик разложил бобра на столе,
Подул на него, серебро распушил.
Морщинки разгладились на челе:
Он видел, казалось, с кем говорил.

«Пусть будут, товарищ Сталин, ясны
И впредь ваши дни, и на много лет,
Земля нам дана, леса даны,
По правде, теперь ничего для страны
Дороже здоровья вашего нет.

Храните здоровье, отец родной!
Погодка бывает у нас лиха,
А вы и осенью и зимой
Все в серой шинели, все в одной.
Ведь есть же доха!
На что же меха?!

По нашей стуже, по нашим ветрам
Все нужное северный лес дает.
Уважьте, товарищ Сталин, народ.
Взгляните, сколь на бобре серебра!
Носите, товарищ Сталин, бобра:
Тепло, и к шинели вашей пойдет.

Теплы пимы с меховым чулком,
Легки на охоте за сохачом,
Подвяжешь к ремню витым пояском
И едешь в санях иль гонишь пешком.
Поземка, пурга—ничто нипочем.

В Москве одинаково—снег и пурга,
Гранитные плиты вдвойне холодны...

Зачем же в мороз ходить в сапогах,
Когда тепло уважает нога?
На что же валенки нам даны?!

Отчаянней нашей не сыщешь зимы,
Сосульки, что колья, на бороде...
А кто видал, чтобы зябли мы?
Носите, товарищ Сталин, пимы —
Ноге в пимах, как рыбе в воде.

Еще об одном просили бы вас:
В каких отдыхаете вы краях?
Конечно, здесь — не Крым, не Кавказ...
Но реки! Но рощи! — отрада для глаз.
Природа есть и у нас своя.

Нет сказок, равных нашим местам.
Зверья в лесу — умом не постичь...
Товарищ Сталин, на месяц бы к нам!
Здесь зайцы за нами идут по пятам,
На ствол ружья опускается дичь...»

Шумят вершины в лесу глухом.
Избушка в сугробах видна едва.
Тайга! Далеко отсюда Москва.
А думы и здесь об одном — о нем,
И небо такое же, как над Кремлем...
Одним человеком земля жива.

Повеяло утром,
Шумит сузём,
И просыпаются тетерева.

СОДЕРЖАНИЕ

Редактор — **А. СУРКОВ.**

А — 09590. Тираж 150 000. Подп. к печати 15/XII—49 г. Зак. 3151.

Типография газеты «Правда» имени Сталина. Москва, ул. «Правды», 24.

Цена 1 р. 20 к.